

РАССКАЗЫ

СОБАКА

Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал — не стоит привлекать внимание судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк.

Судьбы он боялся и никогда не строил планы дальше, чем на завтрашний день, — боялся, что судьба обозлится на него за легкомысленную самоуверенность. Может, это было единственным, чего он боялся в жизни...

А в этот раз даже не смог забежать к Ирине перед поездкой — с матерью случился очередной сердечный приступ, и после вызова «Скорой» он просидел весь вечер дома — неловко было оставлять мать одну.

Ирина ждала его, конечно, волновалась, надо было позвонить, и он долго приготавливался к этому звонку — выкурил две сигареты, написал ответ на деловое письмо, которое валялось уже месяц на холодильнике, посмотрел по телевизору мультфильм. И оттого, что звонить надо

ДИНА РУБИНА

было непременно, и оттого, что он знал заранее ее слова и интонацию, с которой эти слова будут произнесены, в нем возникло и завибрировало раздражение, как частенько случалось в последний год, — зудящее раздражение на мать, на Ирину — на этих двух женщин, делающих жизнь его непереносимой.

Набирая номер и глядя исподлобья на экран телевизора, где копошилось на стволе диковинного растения какое-то диковинное сумчатое, он подумал: ее можно понять, она, конечно, устала...

— Ира! — бодренько начал он. — Тут такое дело, понимаешь. Я никак не смогу сегодня. У мамы приступ был, «Скорая» только уехала... Ну, ты сама понимаешь...

— Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия. Да, подумал он, конечно, устала за эти годы. И я устал. Но что же делать, что же делать...

— Ну, до завтра обойдется, я надеюсь, — продолжал он. — А утром Андрей заедет за мной.

— Ага... — рассеянно, как ему показалось, ответила Ирина. И это его насторожило.

— ...За мамой здесь тетя Люба присмотрит. А я дней через пять — назад... Может, и раньше... Посмотрим, как там сложится.

— Ясненько, — ровно проговорила она, и он понял, что весь этот тон, разумеется, — протест.

— Ирина! — крикнул он. — Ну, что такое?!

СОБАКА

— Езжай, ради бога, — сказала она сломавшимся, как перед плачем, голосом и повесила трубку.

Он схватил пачку сигарет и пошел на балкон — покурить.

Мать спросила вслед:

— Мадам в претензии?

— Оставь меня в покое! — огрызнулся он.

— Бедняжка! Никак не может дожидаться моей смерти! — Когда речь шла об Ирине, мать всегда переходила на патетический тон, у нее это хорошо получалось, она всю жизнь вела драмкружок во Дворце пионеров.

Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел, как внизу, во дворе, Славик моет новые «Жигули». Он так любовно протирал тряпочкой помидорно-красную крышу машины, что хотелось, как в школьном детстве, стряхнуть на эту идеально лаковую гладь пепел от сигареты.

Мать, лежа на диване, продолжала что-то говорить. Он вздохнул, придавил окурочку к перилам и толкнул в комнату балконную дверь.

— ...и пересидит, переждет, конечно... И захапает тебя! — торжествующе закончила мать.

Монолог был неизменный, с незначительными вариациями.

— Лежи, пожалуйста, спокойно, — миролюбиво сказал он. — Тебе нельзя волноваться. — Но не выдержал, процедил сквозь зубы: — И не трогай Ирину, сколько можно просить тебя!

ДИНА РУБИНА

За Бричмуллою они свернули на узкую пыльную дорогу и долго еще петляли по ней, поднимаясь все выше. Андрей остановил «Ниву» на небольшой поляне.

— Ну вот, — сказал он. — Доползли... Как тебе здесь — глядится?

Внизу горбились горушки, окрашенные в охру, от темной до золотистой, с желтыми и зелеными пролысынами, над горами вздымались красновато-бурые скалы. Над всем этим дыбилось жаркое пустое небо.

— Что, нормально... — сказал он и выбрался из машины.

Поляна, на которой они остановились, заросла травой и кустарником. Повсюду торчали огромные фиолетово-чернильные шапки чертополоха, узорчатые желтые шапочки бессмертника.

Он огляделся вокруг и, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух, напоенный хрупкими тянущимися запахами.

— Лимонник... шалфей... — узнавал он. — Что еще? Мята... душица...

Чуть поодаль сбились в хилую рощицу дикие яблони. Над рощицей в скалу уперлась огромная арча, выгнутая саксофоном.

— Смотри, саксофон, — кивнул он Андрею.

— Ага, я по нему ориентировался... — ответил тот, доставая из машины сложенную палатку

СОБАКА

и тугие бокастые рюкзаки. — У нас тут дневка была в прошлом году, когда без тебя ходили...

Андрей возился с палаткой, искал в машине запропастившиеся кольца, чертыхался, а он стоял и молча оглядывал такое огромное и все-таки тесное пространство, загроможденное скалами.

Со студенческих лет они сплавлились на катмаранах по горным рекам, ходили с ребятами в походы по два-три раза в году — казалось бы, и привыкнуть можно, — но каждый раз он вновь тихо изумлялся этим громадам и задыхался, жадно глотая этот воздух.

— Виктор, поддержи! — позвал Андрей.

Он встрепенулся и пошел помогать другу ставить палатку.

Давно уже он признался себе, что завидует Андрею. Тому, как сдержанно и спокойно властвует Андрей в своей жизни. Тому, как преданно заглядывают в глаза ему Вера и мальчишки. Да и в деле своем — не с наскоку, а верно и основательно забирался Андрей все выше — недавно его назначили главным инженером крупного завода. А одногодки, между прочим, одногодки... Что там говорить! — Андрей был человеком удачи. И сильнее всего Виктор завидовал его семейной жизни. Как-то сумел Андрей вылепить себе половину, не сломав женщину, не повредив ее достоинство. Здесь даже не скажешь — повезло. Нет, сам сделал, сам — Верка была в институте

ДИНА РУБИНА

безалаберной и дурашливой девчонкой. И не полезешь ведь в душу, не спросишь — что и как.

Взять нынешнюю вылазку: решили без женщин идти — Вера спокойно, молча сложила мужу рюкзак; если бы в последний момент Андрей велел ей собираться — собралась бы за десять минут так же спокойно и споро. Не было в их союзе междоусобиц из-за какого-то дурацкого самолюбия. Самолюбие растворялось в любви и безоговорочном доверии друг к другу.

А у Ирины ее самолюбие — бастион, не подступишься.

«Да... — подумал он, забивая камнем кол в мягкую землю. — Да, все дело в безоговорочном доверии... Как же они договорились об этом? С самого начала? Или вовсе ни о чем не договаривались?»

— Сильнее натягивай, — привычно командовал Андрей. Он умел погружаться целиком в дело. Худощавый, жилистый, с всклокоченной шевелюрой — сейчас он был поглощен устройством жилья.

Палатка была двухместная, отраднo-желтенькая — хорошая палатка, польская, купили в складчину для таких вот вылазок вдвоем.

— Перекусим, да? — спросил Андрей, стягивая майку и энергично вытирая ею потные грудь и спину. — Посмотри, что там Верка в рюкзак натолкала.

СОБАКА

— Ого, чего тут только нет! — удивился Виктор, доставая из рюкзака пакеты. — Это что? Курица? Яйца. Огурцы. Сало... Чего-то непонятное в бумаге.

— А, это ценная вещь, — заметил Андрей, заглянув в рюкзак через его плечо. — Пирог с капустой. Вершина творчества. Ты пошарь, там и грибочки в банке должны быть.

— Эх, черт, и куда я смотрел в институте! — воскликнул Виктор. Обычная шутливая реплика, дежурный застольный комплимент талантам Верки. Андрей на эту реплику неизменно промалчивал. Произошел с ними непонятный такой случай лет пять назад.

...Весной, набрав отгулы, решили вчетвером пройти по Чаткалу на катамаране. Андрей — командиром, как всегда. Дима и Сурен шли второй раз всего, а речка сердитая была, с характером. Порогов этих, водоворотов, камней! Да, гордая речка, горная, ее оседлать непросто.

Помнится, на второй день похода у него лопнул ремешок от шлема, но до сих пор не вспомнить — почему Андрей-то без шлема оказался. Спасательные жилеты были, верно, да только от них мало толку на этих горных речках. Течение бешеное — пошвыряет башкой о камни, и никакой жилет не спасет.

Андрея вышибло из катамарана неожиданно, стволom сухого дерева, низко наклоненного с берега над водой. Виктор сидел вторым, за Ан-

ДИНА РУБИНА

дреем, и когда того выбило в воду, вдруг увидел, что Андрей-то без шлема, и бросился за рыжей шевелюрой, крутящейся в водоворотах между камней. Прыгнул, не вспомнив о собственной незащищенной голове. Андрей плавать не мог, вот в чем было дело. И по сей день не научился плавать, урбанист чертов.

Здорово побило их обоих, пошвыряло вдоволь, наглотались; но Андрея — полуживого, он — полуживой, все-таки выволок.

Ребят — Диму и Сурена — отнесло дальше, они растерялись, неопытные.

Андрей просил Вере о приключении не говорить. Но уже в городе, когда ждали автобуса, Дима позвонил из автомата жене и случайно проболтался. Та, конечно, немедленно позвонила Верке: мол, встречай своих героев покалеченных...

Инвентарь — скатанные катамараны, палатки, весла — хранился всегда у Андрея в кладовке, после походов первым делом вваливались к нему, это уже традицией стало. Так что свидетелями сцены в прихожей были все.

Позвонили. Верка за эти полчаса, видно, успела наплакаться — открыла дверь зареванная, с набрякшими веками, и, когда увидела его перевязанную руку, вдруг завывла и бросилась, да не к мужу, а к Виктору — обняла за шею, прижалась, больно налегая на поврежденную руку. Он растерялся и даже испугался, когда поверх ее

СОБАКА

припавшей головы увидел незнакомое, какое-то гипсовое лицо Андрея.

— Вера, я — вот он, — хрипло, спокойно сказал Андрей...

Сурен вырчил — засмеялся; воскликнул с кавказским акцентом:

— Правильно, женщина! В ноги кланяйся! — Сурен редко пускал в ход этот акцент, но всегда кстати. — Он тебе кормильца спас, отца твоих детей!..

...Месяца три после этого странного случая он не появлялся у Андрея, и тот не приглашал. Потом чей-то день рождения подкатил, нельзя было не встретиться — и сгладилось, выровнялось... Но изредка он вспоминал лицо Андрея, каким было оно в тот миг — бескровным, смертельно-спокойным, — и осторожная мысль пробежала: а может, Андрей не так уж и счастлив, как представляется?

...— Слушай, это какая-то дивная курица, — заметил он, обгладывая смуглое крылышко. — Это не курица, а райская птица.

— Да, Верка ее с майонезом делает, с орехами...

— Сациви называется, кацо...

— Нет, это по-другому, в духовке, кажется. А тебе не все равно? Ешь, — Андрей выломал куриную, перламутровую от майонеза, ногу

ДИНА РУБИНА

и протянул ему. — Женись, тебе Ирина тоже приготовит.

— Даже самая дивная курица не стоит такой жертвы, — отшутился Виктор.

...Когда мылись, поливая друг другу воду из канистры, Андрей еще раз настойчиво спросил:

— Чего не женишься, боббель?

— Отстань, — отмахнулся он, снимая с плеча Андрея полотенце. — Дай хоть здесь пожить спокойно.

— Нет, правда?

— Я тебе сто раз говорил: не могу я мать оставить, она больной человек! — Он начал раздражаться. — А вместе они не уживутся.

— Сам виноват.

— Может быть... — Он вздохнул. — И потом, Илюшка растет, возраст у него сейчас самый противный — четырнадцать... Он отца помнит хорошо... Знаешь, временами я такие его взгляды на себе ловлю...

— Еще бы не глядеть ему! Парень видит, как маме весело живется... Смотри, останешься когда-нибудь и без жены, и без матери.

— Значит, судьба такая, — усмехнулся он.

— Не судьба, а ты — дурак, — спокойно сказал Андрей, взял из рук его полотенце и пошел к палатке. Крикнул оттуда: — Я — пас! Лезу дрыхнуть.

...Солнце стояло еще высоко, трава звенела, тренькала, жужжала и зудела, и все это слива-

СОБАКА

лось с теплым ветром в ровно дышащее молчание гор. И в густоте насыщенного звуками молчания раздавалось то далекое ржание пасущегося коня, то лай чабанской собаки.

Он накинул рубашку и сказал:

— Андрей, я прогуляюсь...

Тот не ответил, наверное, уснул. Он подумал, что Андрей и вправду устал сегодня — все-таки за рулем, по горной дороге.

Через рощицу диких яблонь он вышел к подножию большого холма, на волнистом гребне которого паслись тонконогие кони, медально отпечатываясь на фоне акварельно промытого неба.

Он стал неторопливо взбираться, стараясь ничего не пропустить по пути — ни корявого деревца миндаля, ни ящерики, мелькнувшей по камню; вдохнуть в себя прогретую солнцем, пахучую благодать воздуха и не думать ни о чем — отбросить на эти пять дней тягостный бред своей городской жизни.

Навстречу ему на шоколадной лоснящейся кобыле спускался человек с ружьем за спиной. Подъехав, остановился и вежливо поздоровался. Это был мужичок-замухрышка, в телогрейке, в кирзовых сапогах.

Виктор угостил мужичка сигаретой, тот обрадовался, слез с лошади и охотно разговорился.

— Егер я, — охотно пояснил мужичок. У него было живое простоватое лицо монголоидного

ДИНА РУБИНА

типа. — Туда-сюда еду, смотрю. На кабан запрещение ест... Я — егер, такой должныст строгий, смотреть нада...

Виктор объяснил егерю, что приехали вдвоем с приятелем — во-он их палатка, желтая, ружей у них нет, стрелять не собираются ни кабанов, ни куропаток. Отдохнут дней пять — и поедут... Места здесь красивые.

Егерь оживился и подтвердил, что места и вправду красивые, показал, как идти до водопада, — красавец водопад, метров двадцать высотой... Сказал — недалеко, километров пять до перевала, — знаменитая березовая роща, та самая, что еще при русском царе посадили. Каждый саженец в золотой обошелся.

Его шоколадная красавица гнула холеную шею, нехотя брала мягкими губами стебельки травы и, вскинув голову, косила каштановым зрачком.

— Там что — чабаны? — спросил Виктор егеря, кивнув на гребень холма.

— Чабаны, да, — заулыбался егерь. — Приятел бери, в гости ходи... Баран резать будем, шурпа, плов варить будем.

— Ну, спасибо, придем... — и он не удержался, похлопал кобылу по теплой шее, ощутив под ладонью упругую мощь лошадиного тела.

Егерь попросил еще сигарету, впрок, и вскочил на лошадь.

СОБАКА

— Осторожно ходи, — посоветовал он. — Сыпун много, сель бывает... Вон там — он показал в сторону, где перекрещивались покатые гребни холмов, — там десят человек от сель погиб.

— Когда? — быстро спросил Виктор, почувствовав, как неприятно ткнулось и зануло что-то в сердце. — В семьдесят четвертом? Разве здесь?

— Издес, — подтвердил егерь спокойно, — все спартсмен был, карта маршрута был, все был... — Он вздохнул и тронул пятками лоснящиеся бока кобылы: — Хоп, отдыхай...

Виктор смотрел на круп удаляющейся лошади, на ватную спину егеря и пытался совладать с непонятым смятением.

Это была группа Позднышева, десять человек, и среди них — муж Ирины, Костя Мальцев... Да, Костя Мальцев, хороший парень... Как же он временами ненавидел его, мертвого, как ревновал Ирину — к имени, к памяти, к прошлым объятиям, — к мертвому ревновал.

Может быть, слишком явственно понимал в иные минуты, что она постоянно сравнивает их, сталкивает — мертвого и живого, и едва ли живой желанней ей и дороже...

Зачем же он оказался здесь, сейчас, что за беспощадная рука привела его сюда и развернула лицом к этим пустынным холмам — вот оно, место Костиной гибели. А теперь отдыхай — то есть мучительно и тщетно старайся выкинуть из

ДИНА РУБИНА

головой хоть на пять дней ссоры с Ириной, Костиного сына, так похожего на отца, тяжелый характер матери, бесконечные визиты на дом врачей, однообразные телефонные разговоры — что еще?

— Переста-ань, — простонал он негромко, не понимая сам, к кому обращается: к себе ли, к Ирине, к мертвому Косте или к тому тайному мытарю, что ведаёт обрывистыми тропками его судьбы, держит карту его маршрута. — Ну что ты, что ты? Почему?.. Не надо, не мучай, не мучай!

...Он повернул в противоположную сторону и долго, изматывая себя, взбирался меж камней и кустов на крутой каменистый холм и, когда взобрался наконец на гребень, почувствовал, что обессилел.

Он повалился в траву — грудью, щекой, — в этот пронизывающий запах сырой земли и нескончаемой жизни, и долго лежал так, бессмысленно изучая торчащий перед глазами кустик молодого лимонника, ещё какую-то тонкую травку с фиолетовой робкой крапинкой цветка.

Он перевернулся на спину, раскинул руки, принимая на грудь это любимое, непостижимое небо, и молча заплакал... Такое с ним бывало... В одиночестве, в горах или на море, он иногда плакал от сладкой ностальгической тоски по уходящей жизни. Всегда, с самого дет-

СОБАКА

ства, очень остро он чувствовал мимолетность своей жизни и трепетно относился к прошлому, часто перебирал в памяти, перетряхивал — берег его, как бережет хозяйка и прячет дорогие вещи в шкафу.

Он вспомнил прошлогоднюю поездку в горы, весной, с Ириной и Илюшкой, ее синюю панамку — смешную, с огромной, как у клоуна, пуговицей на макушке. Илья ушел в поселок за пивом, а они валялись в палатке, решали кроссворд и долго не могли отгадать слово «эротика», когда же наконец отгадали, то взглянули друг на друга и расхохотались, он выкатил глаза, сделал алчное лицо и повалился на нее, она же, изнемогая от смеха, отбивалась и вскрикивала: «Виктор,пусти, перестань, ну! Сейчас ребенок вернется...» А через полчаса поссорились, яростно, из-за какой-то чепухи; видели, как по склону с тяжелой авоськой поднимается Илюшка, улыбается, победно машет им бутылкой пива, и — не могли остановиться. Впрочем, Илья не раз уже бывал свидетелем остервенелых ссор, ему не привыкать...

В последние месяцы раздражение стало прочным и, как ему казалось, чуть ли не единственным оттенком отношения к Ирине. Иногда он даже спрашивал себя: «И это любовь?»

Тогда он представлял, что она умерла. Ирина. Приходят и говорят: она умерла....Нет, не так. Звонят. Чужой спокойный голос в трубке.

ДИНА РУБИНА

Говорят: она умерла. И по тому, как хватал его паралич ужаса в эти минуты, он понимал, что обреченно любит ее...

Последний раз он видел ее неделю назад. Утром выписал на работе городскую командировку, быстро уложился с делами и к обеду уже звонил в родную дверь, обитую коричневым дерматином. Ирина, видно, выскочила из ванной — была в махровом халате, с круглой, как у ребенка, намыленной головой.

— Привет! — обрадовалась она. — Молодец, что пришел. Покрась меня, а то я не вижу сзади... — и убежала в ванную.

Он открыл холодильник, отрезал кусок сыру и так жевал, стоя у окна в кухне. Ирина вышла из ванной с полотенцем на голове.

— Не хватай сухомятку, пожалуйста! — Она всегда сердилась, когда он ел стоя, на бегу, как придется. — Покрасишь меня, и сядем обедать. У меня рассольник и голубцы.

— Голубец ты мой, — он глядел в окно и рассеянно жевал.

— Понимаешь, сегодня Аскарянц устраивает банкет после защиты. Не могу же я пугалом идти! Меня Илюшка всегда красит, а тут я забыла с ним договориться, и он на тренировку побежал.

— Кто оппонент у Аскарянца?

— Москвич какой-то. Интересный, в очках, с шевелюрой эдакой. Я фамилию забыла... Вот,

СОБАКА

смотри, — она уселась перед зеркалом, выдавила в чашку из толстого тюбика вишнево-бурюю змейку, размешала, — вот тебе щетка. Окунай и тщательно крась каждую прядь. Особенно у корней прокрашивай. Ясно?

— Ясно, гражданка клиентка, — он встал за ее спиной, взял старую зубную щетку с растрепанной щетиной, тоже вишнево-бурой, окунул ее в раствор и приподнял прядь волос на затылке Ирины.

Почти вся прядь была седой. И это почему-то испугало его. Он привык, что Ирина молодо выглядит, он вообще привык к ней и давно уже не всматривался в ее лицо, волосы, фигуру, как не присматривался к себе. И эта, неожиданная для него, седая прядь — ошеломила.

— Ира! — воскликнул он и стал судорожно ворошить волосы на ее голове, надеясь, что это просто попалась такая прядь, что сейчас он ее закрасит и все будет о'кей... Нет, седины было много, очень много.

Ирина засмеялась и мотнула головой:

— Ну, не балуйся!

— Ира, ты вся седая!

— Сделал открытие, — невесело улыбнулась она и вдруг, подняв глаза, увидела в зеркале его изменившееся лицо. Они молчали и глядели друг на друга и в эти секунды, казалось, понимали такое, чего не могли понять все эти годы... Он молча наклонился и прижался щекой и губами

ДИНА РУБИНА

к ее шее, там, где сидела круглая родинка. Ирина молчала, не шевелясь.

— Ну, давай краситься... — наконец тихо и медленно проговорила она. — Будем закрашивать нашу жизнь в красивый цвет.

...Он заметил, что вокруг много растет ревеня, поднялся и стал рвать его — из ревеня мать варила отличные кисели. Он снял рубашку, натолкал в нее ревеня, завязал рукава и перекинул через шею, как хурджун через ишака...

Горячий дневной свет понемногу линял, остывал и стекал с неба в ущелье, где загустевал в вязкие сумерки. С вершины горы открывался дневной закат: солнце, налитое, с кровавой тяжестью в брюхе, грузно оседало в клубневую гряду облаков.

Театральное действо, подумал он, любуясь закатом, и только сейчас ощутил глубокую тишину, в которой происходило это угасание дня. И сразу в тишине послышался шелест травы за спиной.

Он обернулся — шагах в пяти стояла собака, белая, в черных подпалинах, с обрубленным ухом. Стояла и молча смотрела на него желтыми глазами.

От неожиданности он вздрогнул и даже отступил на шаг. Непонятно было — откуда взялась собака. Откуда и чья она? Может, чабанская?.. Она подбежала, стала молча ластиться,

СОБАКА

что было жутковато. Нет, не похожа на чабанскую. Те — собаки гордые, ничего у чужих не просят.

— Ну что ты, что ты? — спросил он, потрепав ее по голове, забирая в горсть единственное тряпичное ухо. Заговорил, чтоб услышать свой голос, хоть что-то услышать человеческое в этой томительной тишине. — Ты что здесь делаешь, а? Ну, чего молчишь?

Собака глядела на него, ждала.

— Ты есть хочешь? — догадался он. — Ах, бедолага... А у меня нет ничего. В палатке найдем, пошли... — Он повернулся и пошел, собака потрусилась за ним.

— Пойдем, пойдем, — повторял он, стараясь не смотреть в ее странные желтые глаза.

...Прошли километра два, когда он вдруг понял, что заблудился. Это обескуражило его. Обычно он прекрасно ориентировался везде — в незнакомых городах, в лесу, в горах, а тут — на тебе, заплутал.

Горы уже померкли, сизыми тенями соскальзывали по ним облака, небо загустело, налилось фиолетовым, и на окраине его всплыла сумеречно-хрупкая луна.

Собака стояла у его ног и, подняв одноухую голову, пристально смотрела. Две холодных луны плыли в ее глазах. Он отвел от собаки взгляд и огляделся, пытаясь сообразить, в какую сто-

ДИНА РУБИНА

рону двинуться. Он искал арку, выгнутую саксофоном. Но в сумерках, стремительно глотающих пространство, все труднее различались даже недалекие деревца.

— Хреновина какая-то, — буркнул он, повернул и пошел влево.

Показалось, что за острым выступом скалы будет тропка, по которой он поднимался.

Собака бежала за ним как привязанная, и с каждой минутой ему все больше становилось не по себе. В голову полезли дикие мысли: вдруг почудилось, что не за ним бежит она, а гонит его впереди себя, как гонит пастух бездумную скотину на бойню.

Два раза он оборачивался и громко заговаривал с нею, с собакой.

— Ты чего молчишь? — раздраженно спрашивал он, и собственный голос казался враждебным в этой темной тишине. — Ты скулить умеешь? А лаять? Вот так умеешь? — Он остановился и залился оглушительным лаем, с подывами, порыкивая.

Склонив голову набок, собака внимательно глядела ему в глаза. Наблюдала...

Он почувствовал, как страх цапнул коготком где-то в животе, и тихо выругался.

— Пошла! — крикнул он собаке. — Дура, все из-за тебя! Чего привязалась? Пошла отсюда!

Собака спокойно глядела немигающими желтыми глазами.

СОБАКА

Он повернулся и побежал. Она — за ним, неторопливо, размашисто, словно была уверена, что никуда он не денется.

— Ах, ты так! — пробормотал он сквозь зубы, подобрал камешек и швырнул в нее. Собака отпрянула, мотнула головой и опять спокойно стала приближаться боком.

«Да какая это, к черту, собака! — смятенно подумал он. — Никакая это не собака!» — попытлся, не решаясь повернуться к ней спиной, подался назад, и вдруг нога его скользнула вниз, зашуршали камни, он упал навзничь и, чувствуя спиной и затылком перебор мелких камешков, стал сыпаться, сыпаться вниз по склону.

Он понял, что попал в сыпун и катится в пропасть. Перевернулся на живот, стал тормозить локтями, коленями, хватаясь за что попало, но безуспешно — медленно катился и катился вниз.

Собака тоже попала в сыпун, катилась за ним следом. Сыпались камни... Один крупный угодил в собаку; она завизжала пронзительно, задержала лапами, беспомощно пытаясь подняться и время от времени сваливаясь ему на спину.

Повезло с этой рубашкой, набитой ревенем, — дурацкая прихоть, а как повезло! — она, как подушка на шее, смягчала падение и слегка тормозила и защищала голову от падающих камней. Несколько раз ему удавалось застрять на минуту, уцепившись за колючий сухой кустик,

ДИНА РУБИНА

и он лежал, почти бессознательно отмечая, как сплывала, съезжала по камням собака, как замедленны, расщеплены ее движения. Наконец она прикатывалась к нему, он с ней разговаривал.

— Думала, доконаешь меня? — хрипло спрашивал он, заглушая гулкие, дробные удары сердца и слыша, как колотится о его спину сердце собаки. — Я-то понял — кто ты... Да уж не молчи... скажи сразу — конец, что ли? — Облизнул запекшиеся, распяленные в напряжении губы, подумал: а ведь и вправду — конец! Застонал, дернулся и покатился вниз, и долго, бесконечно долго катился, пока не уперся ногами в валун.

Несколько мгновений он лежал, глядя в сочное, чернильно сгущенное небо, боясь пошевелиться. Валун качался, впереди внизу чернела пропасть, пасть ее дышала холодом.

— Приехали, — омертвело выдохнул он.

Сверху прикатилась собака, она молчала и тяжелым кулем давила на спину, дергалась, истекала кровью — парные струйки крови бежали по его шее, груди, спине. Майка намокла и неприятно липла к телу.

Он уже привык к собаке, привык катиться с нею по бесконечному пути в пропасть. Она была вечным спутником, товарищем по смерти. Собака была — судьба. Его собственная судьба

СОБАКА

с желтыми глазами, от которой он столько раз уворачивался.

— Вот ты где меня достала, — сказал он собаке. — Ну, ладно... сейчас полетим... сейчас... Да не дрыгайся ты, дура... Все уже кончено.

Он подумал вдруг, что Ирина сейчас в усталой горечи, в досаде и — бедная — не знает, что все кончено, что он погиб, его уже, в сущности, нет. Все кончено, и какая чепуха их ссоры, и мелкие и крупные, их жалкая грызня все эти годы, когда нужно было — так просто! — любить и любить друг друга. И как ясно это теперь, и как хочется жить, а надо гибнуть... Надо гибнуть, да не все ли равно — теперь уж все кончено и жить осталось две-три минуты, и те в темени, как и вся жизнь.

Боже ты мой, как бездарно жито-прожито, и чего хотел, и за чем гонялся? По каким рекам опасным убегал от нее, какую такую жалкую волю оберегал столько лет! На, давись теперь своей волей, захлебнись ею — собачьей кровью... Да, меня уже нет, а она не знает, бедная моя, не знает ничего и ничего не понимает, лелеет свою горькую усталость, пестует ее — свою обиду, а меня-то уже нет...

Его тошнило, тянуло в пропасть. Дрожащей рукой он стянул с шеи хурджун с ревенем и выпустил. Несколько секунд, раскинув полные рукава, рубашка летела вниз, и это слишком напоминало человека.

ДИНА РУБИНА

Краем глаза он увидел соседний валун, повыше. Пришла вдруг странная мысль: избавиться от собаки, раздвоиться с нею, уйти — от нее.

Одной рукой он уперся в валун, другой поднял собаку (она оказалась тяжелой), напрягся и перебросил за тот, соседний, камень.

— Ну вот... — пробормотал он. — Лежи... Ты теперь сама по себе...

Тут он заметил — слева, вверх по скале, насколько видно было в густеющей темени, — выдаются щербатые уступы. И он решился. Подтянул колени, перевернулся на живот и, ухватившись пальцами за первый уступ, пополз по скале.

Он полз медленно, осторожно, по одной подтягивая ноги, нащупывая ими пройденный руками выступ, и тогда прикивал к еще не остывшим от дневного жара камням, отдыхал. Один раз обернулся: собака молча глядела вслед ему желтыми, лунными в темноте глазами.

— Прости, — сказал он ей. — Прости, так получилось...

Она молчала.

— Скажи хоть — за что? За Ирину?

Собака молчала...

Он отвернулся от ее глаз и стал карабкаться дальше...

Он полз по скале над пропастью, руки и ноги напряженно дрожали, мыслей не было, а все какая-то глупая шелуха крутилась в голове, как

СОБАКА

мусор в речном водовороте: что вот мать все точила его, просила прописать свою внучатую племянницу Галю, а он тянул, тянул, непонятно почему, и пожалуйста, дотянул. Или являлась вдруг перед глазами, залитыми мутным потом, белая эмалированная кастрюля, в которой мать варила кисели; мучительнее всего донимала родинка, одинокая и беззащитная родинка на плече Ирины, вернее, там, где плечо поднимается в шею. Это была любимая его родинка, и сейчас она просто не выходила из головы, сидела там, будто гвоздь, вбитый по самую шляпку.

Наконец ему крупно повезло — он наткнулся на площадку размером с табурет, выполз на нее, лег животом и долго лежал так, пока не понял, что сорвется, если не будет карабкаться дальше...

Теперь, когда за камнем он оставил свою желтоглазую судьбу с обрубленным ухом, ему казалось, что он уползает от смерти. Но нет, он полз вровень с нею, и она зорко следила своим желтым оком за каждым его движением, как следит озорник за мечущимся тараканом в ловушке умывальной раковины... Продлевать, сука, подумал он, забавляется. Его вдруг охватила жгучая ярость, желание немедленно оборвать это жалкое копошение, это трусливое уползание от смерти: сгруппировать тело и ринуться вниз, в клубящуюся сизым дышащим туманом про-

ДИНА РУБИНА

пасть, как прыгал он не раз с вышки в бассейн; но представил этот последний полет, острые камни внизу и опомнился, крепче ухватился за крошащийся под рукою выступ...

Отдохнул он на небольшой площадке, загаженной орлами. Так обрадовался, когда взобрался на нее, оскальзываясь в свежем птичьем помете, что сел, подобрал колени, и жалобно засмеялся. Пришла даже мысль дожидаться здесь утра, ведь наверняка Андрей уже мечется, ищет его...

Черное небо дышало и роилось звездами — крупными, зеленоватыми и дрожащими, и мелкими — колючими булавочками. В небе происходила дальняя жизнь — что-то помигивало, шевелилось, перемещалось, срывалось и падало, и эта жизнь казалась враждебной, как и жизнь ночных гор. Он сидел на площадке, а сверху и вокруг тянулись холодные и непостижимые пространства.

С полчаса он сидел, дрожа от холода и напряжения, боясь поскользнуться — площадка была слегка поката, — и понял: надо ползти дальше. Его гнало неотступное ощущение погони, какой-то невидимой, но жестокой травли, и спасение было — в движении.

Внимательно осмотревшись, насколько позволял осмотреться мерклый свет луны, он заметил совсем рядом торчащие из трещины в скале сухие корешки, а ниже, один за другим, — вы-

СОБАКА

ступы, прочные на вид; и решил спускаться вниз, в ущелье, по этой отвесной скале.

Он спускался, из-под кроссовок летели камни, крошились уступы, раз он чудом удержался, схватившись за кустик колючки, сильно ободрал при этом руки и щеку. И все-таки он спускался! Медленно, отбирая у желтоглазой каждый шаг вниз, не зная — как глубока эта пропасть и сколько еще придется так ползти...

Потом он наткнулся на длинный, узкий, опоясывающий скалу выступ, подумал, что эта тропка должна привести куда-то, и, подтянувшись, вскарабкался на нее, распластался грудью и руками по скале...

Тропка и вправду привела к тесной — шириною метра в два — расщелине, и он, обдирая руки и тело, стал спускаться по ней. Это была удача, так он продвигался гораздо быстрее, упираясь руками в стены расщелины, нащупывая ногами выемки в скале. Иногда, почувствовав ногою надежную опору, он отдыхал минуты две-три, расставив руки, как бы раздвигая ладонями расщелину.

Горячий пот бежал по спине и груди, щипал глаза, щекотал в носу. Минутами ему казалось, что он слепнет — все сливалось в едкую мглу. Он спускался на ощупь и не глядя поставил ногу в уступ, где свила гнездо птица. Она вылетела с испуганным криком, ударив его крылом по лицу, он сорвался и полетел вниз, и летел

ДИНА РУБИНА

в расщелине несколько метров, ударяясь коленями и локтями о выступы, пытаюсь ухватиться за что-нибудь. И когда рука скользнула по шершавому, колючему, он вцепился мертвой хваткой, повис, перехватил куст — это оказался дикий шиповник — другой рукой и, осторожно подтягиваясь, бормоча шиповнику: «родной... родной...» — выполз наконец на узкий выступ, шириною с туюфель. Правая рука была в чем-то липком, горячем, струящемся, и он понял, что это кровь, и испугался, что вскрыта вена на запястье. Не отпуская колючие ветки шиповника, он прижался лицом к руке, надавливая щекою, пытаюсь остановить кровь, и вдруг на соседнем склоне метрах в трехстах внизу увидел огни.

Альпинисты, понял он, еще не веря глазам — ночные восхождения, с прожекторами, — и заорал, заплакал, не ожидая в себе такой силы голоса.

Его услышали, ослепили прожектором, и через несколько секунд он увидел, где стоит. Внизу тянулась все та же пропасть, слева, у самого локтя, выпирал из скалы бурый валун. Внизу бежали ребята, размахивали руками, что-то кричали. Он понял по жестам: там, за валуном, — тропка... Нужно было перебраться как-то, перевалиться через камень, и это было последнее, что связывало его с желтоглазой, и это было уже не так страшно, потому что внизу бежали люди, кричали, размахивали руками.

СОБАКА

Он обнял валун, перекинул ногу и почувствовал, что камень сейчас сдвинется и полетит в пропасть вместе с ним. Последним рывком он успел втащить свое тело на камень, и когда тот сдвинулся и накренился, он был уже на тропке и полз по ней вниз. А дальше — по мелкому сыпуну, почти без сознания, кубарем — к ребятам...

Он слышал какие-то голоса, чувствовал, как его тормозят, ощупывают, перевязывают руки, видел мелькание лиц и фигур, все это перемешалось с гулкой обморочной пустотой. Потом всплыло какое-то оранжевое пятно. В это пятно он сказал, с трудом ворочая распухшим прокушенным языком:

— Спасибо... Ребята...

— Тебе спасибо, за то, что жив, — ответило пятно. Это оказался дюжий парень в оранжевом анорাকে и вязаной шапочке с бомбоном. — Тут знаешь, какая ступень? Тут только в связке и со снаряжением лазают. Непонятно, как ты жив остался.

— Да, кино! — сказал кто-то рядом. — Сам сможешь идти?

— Конечно, что вы, ребята! — усмехнулся он, вернее, дернул какой-то застывшей мышцей лица, попробовал встать и тут же свалился кулем — ноги не держали.

Его подхватили под мышки, поволокли к палаткам и там уже, укутав спальниками, застави-

ДИНА РУБИНА

ли выпить три стакана крепчайшего чая с невероятным количеством сахара.

Теперь, в безопасности, среди незнакомых, но таких теплых, родных людей, его колотил озноб, сменявшийся приливом горячей крови к голове.

В палатке с ним возились двое: дюжий парень в оранжевом анорাকে и совсем юная девушка с ломким, как у подростка, старательным голоском. Лицо ее в глухом свете фонаря казалось серьезным и таинственным. Она смазывала зеленкой глубокие ссадины на его руках, на лице, на теле, долго возилась с пластырем, заклеивая что-то на спине.

— Ты, случаем, не из летающей тарелки? — поинтересовался парень в анорাকে. — Вроде для нормального человека маршрут необычный.

Виктор улыбнулся разбитыми губами.

— Погулять пошел, — проговорил он. — В сыпун... угодил...

Виктор вспомнил об Андрее и встрепенулся вяло:

— Пойду я...

— Сейчас, побежишь, — весело согласился «анорак» и велел девушке: — Ну-ка, укрой по-лучше, смотри, как бьет его...

Виктор почувствовал, что его ловко, уютно накрывают, обволакивают густой истомной пеленой, и спросил сквозь сон:

— Как вас зовут?

СОБАКА

— Ирина, — ответила девчушка старательным голоском.

— Ирина... — повторил он блаженно и вдруг уснул. Но сразу очнулся и забормотал: — Нет, ребя... мне идти... сейчас же, он там с ног сби... — и уснул опять на полуслове.

...Часа через три, на рассвете, его словно подбросило: «Андрей!» Ну да же, Андрей! Да что ж это он валяется здесь, черт возьми!.. Осторожно, чтобы не потревожить спящих рядом незнакомых ребят, наломавших за ночь на восхождении, он нашарил у выхода кроссовки, надел их и выбрался из палатки.

В ущелье, словно мыльная пена в корыте, плавали жидкие облака, зато небо и блескучие снеговые вершины, уже ограненные солнцем, были прозрачно чисты...

Неподалеку по седой траве в тощем облачке бродил конь, нагибая за травой шею, словно поминутно соглашаясь с чем-то. За конем ходила вчерашняя девушка, протягивала сахар на ладони и упрасивала старательным голоском:

— Красотуля моя, удостой вниманием, если в гости явился.

— Не унижайся перед ним! — «анорак» сидел у костра с консервным ножом в лапище, трудился над банкой тушенки.

Увидел Виктора и сказал:

ДИНА РУБИНА

— А-а, небесный тихоход выполз. Ну что, отец Федор, больше не погонишься за бриллиантами мадам Петуховой?

Девушка расхохоталась так, что конь испуганно прянул, а Виктор усмехнулся и похвалил:

— Классику знаешь... — В майке было холодно, его пробирала дрожь.

— Ну ты и разукрасила его, Ирка! — восхитился «анорак». — Он прямо весь как молодой зеленый побег!

Девчонка опять прыснула, а он подумал — ну и втюрился ты, «анорак», в эту Ирку, на пупе вертишься, чтоб она лишний раз фыркнула. И сказал:

— Ладно, ребята. Мой друг там, наверное, совсем перепуган. Спасибо вам огромное. Пойду я.

— Слушай, — парень отложил банку, поднялся и снял анорак. — На, надень.

— Что ты, зачем!

— Надевай, тебе говорят! Околеешь! — и почти насильно натянул просторный анорак на плечи Виктора.

Девчушка сказала:

— Будет повод в гости прийти, — у нее оказалось круглое, очень славное лицо.

— Вас правда зовут Ириной? — спросил он, и столько непонятого удивления было в его голосе, что «анорак» и девушка одновременно рассмеялись, и парень сказал:

— Врет, конечно. Матильдой ее кличут.

СОБАКА

Виктор кивнул и пошел на вялых ногах, жалко улыбаясь. Он чувствовал себя пустым дырявым мешком, смятым и ни на что не годным. Поднявшись на холм, он обернулся. Вокруг рассыпанных по зелени ярких палаток все бродило облако на лошадиных ногах, время от времени вздымая голову на благородной шее.

...Андрея он увидел издали. Тот стоял на скалистом выступе горы, похожем на отставленный локоть, там, где арча выгибалась саксофоном, и смотрел в его сторону. Странно, подумал он, Андрей давно должен был увидеть яркий анорак — почему он не окликнул меня?

Он закричал, замахал руками, и Андрей стал спускаться навстречу. Когда тот подходил, Виктор заговорил громко и нервно:

— погоди, не ругайся. Я все объясню. Ты здорово перетрусил? — Андрей подходил молча, и странным показалось его лицо: переболевшая ненависть была в лице и во взгляде.

— Ссук-кин сын... — проговорил Андрей сильным шепотом. — Прогулялся? — и с чувством выматерился, что с ним редко случалось.

Виктор остановился.

— А... Почему шепотом? — растерянно спросил он.

— А песни пел всю ночь, — с ненавистью просипел Андрей, прошел мимо к палатке и швырнул внутрь ненужный уже фонарик.

ДИНА РУБИНА

Виктор только сейчас ощутил по-настоящему, что пережил, что передумал друг за эту ночь; представил, как рыскал тот по горам с фонариком, как сорвал голос, пытаясь докричаться, и вдруг такая нежность к этому обозленному мужику подкатила, что он даже засмеялся.

— погоди, Андрюха, — мягко проговорил он. — Ну, дай сказать... Я с того света вернулся. В сыпун угодил, чуть в ущелье не свалился. Полз по чайной ложке в час... Да я тебе расскажу — это целый роман! Меня альпинисты подобрали, чаем отпоили... — Он расстегнул анорак: — Во, видал — боевые ранения?

— Чего тебя к ущелью понесло, идиот? — просипел Андрей, не смягчая ненавидящего взгляда.

— Да собака пристала, дурная, одноухая...

Он вспомнил собаку, и вдруг такая тоска и усталость навалились, что расхотелось рассказывать об этой ночи.

— Ты водки выпей, — проговорил он виновато. — Выпей водки и ляг, поспи. А главное — молчи, не разговаривай...

В палатке Андрей лег на спальник и прикрыл глаза. Но по тому, как вздрагивали веки, как дергались желваки на скулах, Виктор видел, что Андрея не отпускает страшное напряжение пережитой ночи. Самому ему ужас этой ночи казался уже бредовым наваждением, которое надо забыть поскорее.

СОБАКА

Он снял анорак, подивился размерам его хозяина, хотя сам был не из щуплых, и натянул свой тонкий джемпер.

— Не забыть бы ребятам вернуть, — сказал он, бросая анорак в угол палатки. — Прекрасные ребята... Можно пойти к ним вечером... А можно к чабанам махнуть. Взять пузырек и махнуть. Они тут недалеко... — И вспомнил егеря: «Баран резать будем, шурпа, плов варить будем...»

Андрей молчал. Веки его подрагивали.

— Знаешь, а ведь именно здесь погибла группа Позднышева, — вспомнил Виктор. — Именно здесь... Странно, правда? Ты знал это?

— Нет, скажи, — Андрей вдруг сел рывком, сжал руками приподнятые колени. — Скажи, почему от тебя всем плохо?

Вопрос был неожиданным, во всяком случае, никогда он не думал, что услышит его от Андрея. Это была реплика Ирины, и в подобных схватках он умел отражать удары — слава богу, закаленный боец. Но сейчас слова Андрея — неловкие, сказанные смешным старушечьим голосом — ударили его неожиданно и сильно.

— Почему — всем? Что ты, Андрюха... — растерянно забормотал он. — Ты успокойся, расслабься... Ты просто перенервничал... По-твоему, я ради удовольствия в сыпуне катался?

— Да! Ради удовольствия, — просипел Андрей.

Он натянуто хмыкнул:

ДИНА РУБИНА

— Ну, дед, ты умом тронулся...

— Ты на любую опасность прешь — знаешь почему? — напористо спросил Андрей, не обращая внимания на его реплику. — Тебе надо себя убедить, что ты настоящий мужик. Что ты — человек поступка. Что ты живешь настоящей жизнью! А ты не живешь!

— Да ну! — он прищурился, пытаюсь скрыть растерянность.

— Да! Ты не живешь, а тянешь жизнь, как тянут время перед визитом к зубному врачу. Ну это — хрен с тобой, горбатого — могила, но ты же и близкие жизни мытаришь. Ты сколько лет Ирине душу треплешь?

— Ну ты Ирину оставь! — глухо оборвал он Андрея. — Это моя беда, я сам разберусь.

— Восемь лет разбираешься, Илья успел вырасти без мужика!

— А ты не лезь в это дело! Что ты о нас троих знаешь? Я сказал — моя беда, не тронь!

— Да никакая не беда. Ты эту беду сам смастерил. Против Ирины мать как щит выставил. Разом от обеих спасся... А мать? Ей сладко с тобой?

— При чем тут мать?! — крикнул он. — Чего ты о матери вспомнил? О себе заботься, судия хренов!

— Да потому, что ты весь тут: перейти к Ирине — так мать нельзя оставить, а уехать в горы на пять дней — можно, а что там за эти пять

СОБАКА

дней с матерью будет — соседка приглядит, да? — От того, что Андрей говорил не своим, сорванным, будто шаркающим голосом, было даже страшно — будто и не друг с ним говорил, а кто-то чужой и беспощадный... — А тебе все — ничего, все шуточки... Вот где у меня твои шуточки! Твои хохмы с рубашкой!

— С какой рубашкой?!

— С такой! Вон она валяется, я ее на рассвете подобрал... Остроумно придумал, стервец: собственное чучело изготовил и живописно так между камней уложил, ни дать ни взять — Виктор без башки валяется. Я, пока к этой рубашке бежал, думал — спячу, не добегу, сердце разорвется... Орал как резаный, голос сорвал...

— Да эта рубашка!.. Да выслушай меня! Дай сказать! — он не на шутку разозлился на Андрея.

— Не дам! Я всю ночь, пока по горам спотыкался, всю ночь о тебе думал, о твоей жизни! И ты изволь выслушать! Оглянись вокруг — всем от тебя плохо!

— Да кому еще?! Кому плохо?! — запальчиво, озлобленно крикнул он. — Тебе плохо? Вере твоей плохо?

— Плохо Вере! — выкрикнул вдруг Андрей петушиным голосом. Бешеные зрачки его пронзительно голубели в кровавых прожилках. — Плохо. И ты это знаешь! Ты знаешь, что она-то всю жизнь тебя любит! С института еще...

ДИНА РУБИНА

Виктор дернулся, как от тока.

— Дурак! — ошеломленно пробормотал он. — Совсем спятил! — И понял вдруг совершенно отчетливо, что тяжкие слова Андрея — чистая правда. И сник, подавленный.

— Скажешь — не видел, как она смотрит на тебя? Скажешь — не знал, что за меня она от безнадеги вышла?.. А я — как проклятый, всю жизнь — как на вулкане... живу и трясусь: вдруг ты на нее глаз положишь, вдруг разом и жену мою, и пацанов прикарманишь... — Андрей говорил страшным шепотом. — А она ведь пойдет за тобой... Пойдет, я знаю...

Он, как слепец, шарил руками по спальнику — искал пачку сигарет. И от этого беспомощного жеста, и от того, что говорил Андрей как кровью харкал, — пронзительная жалость к другу, жалость и любовь окатили его, смыли сиюминутные обиды, оставив только одну, главную, страшную обиду, усмирить которую не было сил. Он подался к Андрею, рванул его за плечо, стал трясти, выкрикивая, всхлипывая:

— Андрюха, ты что?! Ты что-о-о?! Как ты мог такое, гад, сволочь? Сколько лет?! Я предавал тебя?! Скажи, я предавал?! А на реке... когда мы оба... оба могли... как Костя Мальцев... я тебя предал?

Андрей молчал, сжимая в трясущихся пальцах пачку сигарет. Он отпустил плечо Андрея.

СОБАКА

— Так, выходит, плохо всем? — горько спросил он. — И лучше бы мне там, вчера, не цепляться за кустики, не выползать? И всем сразу стало бы легче жить?..

Он рванулся из палатки, быстро пошел куда-то в сторону, по веселой, крапчатой, желто-сине-зеленой травке, и долго так шел, пытаясь успокоить колотящуюся в горьком ознобе душу.

Потом увидел далеко внизу петлю дороги, по которой божьей коровкой ползла красная легковушка, и вдруг, решив все для себя разом, стал спускаться...

Через час он уже сидел на остановке, возле придорожного магазинчика-стекляшки, ждал попутки или автобуса, который ходил здесь редко, раз в два-три часа.

Из магазина вышли двое: девчушка-альпинистка и верный ее «анорак». Он тащил сумку, доверху груженную ржаными буханками с крутой обугленной коркой.

Увидев его, «анорак» приветственно вскинул ручищу:

— Салют каскадерам! Давно не видались.

— Здорово, — бормотнул он.

— А мы вот за хлебом спустились, — объяснила девчушка. При ярком свете дня она оказалась еще и конопатенькой. «Анорак», наоборот, был парнем видным, розовощеким, русоволо-

ДИНА РУБИНА

сым, шапочка с бомбоном сидела на нем игриво и ненужно, как на утесе.

Виктор достал пачку сигарет, и «анорак» вытянул одну аккуратно большими, загрубевшими от возни с костром пальцами. Закурили.

— А ты что — уезжаешь? — спросил «анорак».

— Да, нужно в город, — обронил он. — Твоя куртка в палатке осталась, у друга. Он будет возвращаться — занесет.

— Да ладно, — улыбнулась девчушка. — Я эти анораки для всей группы настрочила. В день по штуке. Можете себе оставить, на память. А Сашке я другой сошью.

— Ну спасибо, — пробормотал он.

— Бывай. Удачи! — Парень хлопнул ручищей по его протянутой ладони, и вдвоем с девушкой они пошли через дорогу, к холмам. Но «анорак» вдруг обернулся и спросил: — Слушай, ты собаку здесь не встречал? Белая такая, в черных пятнах, одно ухо обрублено?.. Ласковая такая, одна здесь в пещерке живет. Ко всем идет, всех любит...

— Пропала куда-то, — пояснила девчушка. Солнце било ей в глаза, и она трогательно жмурилась. — Мы ее подкармливали... Жалко...

— Нет, — мотнул он головой, хмурясь и глядя мимо ребят, на холмы. — Нет, не встречал...

Они долго взбирались на гору, оживленно переговариваясь, потом скрылись из виду.

СОБАКА

...Он сидел один на пустынном шоссе. Отсюда, с деревянной лавочки, просматривался только виток дороги, до ближайшей горки. Ему вдруг пришло в голову, что это похоже на его жизнь: виден и понятен только кусочек ее, один виток — сегодняшний день...

Он сидел один на один со своим сегодняшним днем и убеждал себя, что все не зря и даже эта нелепая поездка в горы и эта страшная ночь были необходимы для него, потому что теперь уж он знает — что делать и как жить. Ему бы только доехать сейчас, дойти, доползти сейчас до нее, до Ирины. Доволочиться до ее двери, обитой коричневым дерматином. Только нажать на кнопку звонка...

...Время от времени он приходил к ней — навсегда.

ЗАКЛЯТЬЕ

Вы верите в прорицателей?
— Простите?..

— Ну, в предсказателей, в гадалок... в тех, кто предсказывает судьбу, — верите? — Она смотрела на меня беспокойным требовательным взглядом. — Вы же писатель, вас должно это интересовать!

Часа три назад мы познакомились на дне рождения у общих приятелей, хотя слышала я о ней давно. В последние годы ее имя дизайнера высокой моды приобрело известность в самых разных кругах. Когда-то я даже купила набор серебряных украшений, выполненных по ее изысканному дизайну. Она и сама была изысканной, стильной: высокая, с ярким тюркским лицом, с тяжелыми черными волосами, прихваченными на затылке резной заколкой из слоновой кости, одета она была просто и дорого-небрежно. Так обычно и одеваются эти, собственно, сочинители моды, словно на себя у них не хватает времени или сил...